

Н. С. Братчикова

**ФИНЛЯНДСКАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИЯЗЫЧНОГО
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА
ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVIII в.)**



В статье рассматривается структура полиязычного культурно-образовательного пространства, сложившаяся на территории Финляндии в первой половине XVIII века. Цель исследования – выявление специфических черт модели общества эпохи Просвещения, обусловленных подчиненностью Финляндии королевству Швеции, многоязычием в обществе, единым вероисповеданием, политической незрелостью населения. При описании социально-культурной сферы финляндского общества учитывалась экономическая ситуация каждого региона. Материалом исследования послужили законодательные акты, регламентировавшие жизнь в обществе первой половины XVIII в., жизнедеятельность ведущих общественно-политических деятелей, священнослужителей, активно старавшихся пробудить симпатию власть имущих к финскому народу. В статье анализируется деятельность таких сторонников финской культуры и языка, как, например, Й. Гецелиус младший, Г. Тудерус, А. Лицелиус, священники из рода Акрениусов; изучается их вклад в становление финского идентитета и финской культуры в целом. По сути работа этих священнослужителей и общественных деятелей гармонично влилась в русло феннофильского движения, отцом которого считается Д. Юслениус.

В исследовании особое внимание уделяется развитию школьной системы в Финляндии. Для утверждения лютеранской веры и укрепления института государственной власти требовалось повысить компетентность чиновников, священнослужителей и обучить население грамотности, поэтому государство стремилось развить систему народного образования. В статье рассматриваются сложности, с которыми пришлось столкнуться при реализации программы по обучению населения. Полиязычность финляндского общества первой половины XVIII в. заключалась в том, что крестьянское население говорило исключительно на финском, интеллигенция владела латынью и шведским языком, торговцы и промышленники общались на немецком и других западноевропейских языках. Начиная с XVIII в. в академическом сообществе стал активно использоваться шведский язык, что давало возможность финнам познакомиться с европейским научным и культурным пространством. Факторами, объединяющими нацию в рассматриваемый период, были единое лютеранское вероисповедание и преданность шведской короне.

Ключевые слова: финляндская модель общества, экономическая платформа, социальная инфраструктура, культурно-образовательное пространство, национальный идентитет, феннофильское движение, языковая политика.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-2-293-303

Статья посвящена анализу финляндской модели культурно-образовательного пространства Финляндии первой половины XVIII в., экономических и общественно-социальных условий ее формирования.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является финляндское пространство королевства Швеции. Предметом исследования является полиязычная модель финляндского общества первой половины XVIII в. В ходе исследования выявляются черты общественно-исторического и культурного развития Финляндии.

В исследовании предлагается следующая *модель финляндского культурно-образовательного пространства первой половины XVIII в.*

Модель общества основывается на экономическом базисе, представленном слабо развитым сельским хозяйством, мелким кустарным производством, небольшими предприятиями чугунолитейного производства и горнодобывающей промышленности.

Надстрочные компоненты модели представлены социальной инфраструктурой в виде небольших городов и мелких населенных пунктов; единой религиозной культурой – лютеранским вероисповеданием. Деятельность церкви обеспечивалась соответствующими законодательными актами.

Структура финляндского общества состояла из высшего и низшего духовенства, шведских промышленников, купцов, в том числе из разных европейских государств, проживавших на постоянной основе в Финляндии, офицеров, ремесленников, крестьян, владеющих средними и мелкими земельными угодьями, безземельными крестьянами и торпарями.



В политическом истеблишменте финнов практически не было представлено.

Образовательная структура была представлена гимназиями, институтом частных учителей и конфирмационными школами. Воспитательные функции осуществлялись церковью и семьей.

В рядах священников зародилось феннофильское движение, способствовавшее формированию единой нации и изучению финского языка и культуры.

Языковая политика в Финляндии складывалась с учетом сложившихся общественно-экономических факторов и требований эпохи.

Цели и задачи исследования. Целью исследования является выявление специфических черт финской модели культурно-образовательного пространства с учетом подчиненности Финляндии королевству Швеции.

Поставленная цель обуславливает целесообразность изучения социально-культурной сферы финляндского общества с учетом экономической ситуации каждого региона.

Представляется логичным анализировать общественные отношения, культурные явления и образовательные процессы одновременно с учетом социально-экономических факторов, складывавшихся в каждом отдельно взятом регионе и Финляндии в целом.

Уровень развития производственных отношений определял характер идеологических взглядов, установок, морально-правовых норм и культурно-образовательных процессов, происходивших в Финляндии в рассматриваемый период.

Степень изученности темы. Отдельные аспекты темы исследования затрагиваются в трудах финляндских и российских исследователей. В частности, вопросам экономического и общественно-политического развития посвящена коллективная монография под редакцией А. С. Кана «История Швеции» [Кан 1974]. В ней детально рассмотрены этапы возвышения Швеции в ранг великой державы и утраты ею значения и роли сверхдержавы после поражения в Северной войне. Финляндия рассматривается как сырьевой и территориальный придаток королевства. Законы и распоряжения, принимаемые в Швеции, целиком и полностью распространялись на Финляндию. В книге подчеркивается, что до начала XIX в. делопроизводство, государственное и хозяйственное управление велись на шведском языке. В технологическом плане Финляндия была отсталой частью шведского королевства.

Представители власти отдавали приоритет шведской культуре перед финской. В книге профессора Хельсинкского университета Х. Мейнандера «История Финляндии» [Мейнандер 2008] дается последовательный анализ превращения Финляндии в самостоятельное государство и становления финской нации. Ряд проблем в сфере языка и культуры Финляндии рассматривается в коллективной монографии финских ученых «История перевода литературы на финский язык» [Suomennoskirjallisuuden historia 2007]. Историк языка К. Хяккинен в ряде статей, размещенных в указанном сборнике, раскрывает взаимосвязь языка и этапов развития финского общества. Применительно к рассматриваемому периоду истории финского общества ценно замечание финской исследовательницы о заторможенности и даже упадке развития финского языка в первой половине XVIII в., вызванных экстралингвистическими причинами, в том числе Северной войной и ее последствиями, вплоть до временного закрытия Академии наук в Або (Турку) и миграции образованного населения в Швецию [Häkkinen 2007, 82].

Большой вклад в понимание роли языка в процессе становления финской нации внесли авторы финского сборника «Создавая общий язык» [Yhteistä kieltä tekemässä 2004], рассматривающие пути и способы преодоления сложностей в процессе работы над единым литературным финским языком.

Роль конкретных исторических личностей в формировании политической зрелости населения, повышении уровня культуры общества и развитии образовательной системы в Финляндии показана в энциклопедическом сборнике «Сто замечательных финнов» [Сто замечательных финнов 2004] и монографии Э. Г. Карху «История литературы Финляндии. От истоков до конца XIX века» [Карху 1979].

Теоретической и методологической базой исследования послужили труды российских исследователей Э. Г. Карху, Е. Г. Соини. Большим подспорьем в нашей работе также стали исследования финских ученых: У. Купийайнена (U. Kupiainen), К. Лайтинена (K. Laitinen) и др. В «Очерках истории школы и педагогики за рубежом» (1988–1991) представлен материал о развитии финской школьной системы, знакомящий в общих чертах с ее основными особенностями.

Экономическая ситуация в областях Финляндии первой половины XVIII века

Экономически, политически и юридически Финляндия находилась под властью Швеции и представляла собой ее восточный регион, развивавшийся с учетом геополитических амбиций королевского государственного аппарата. В рассматриваемый период времени Финляндия была плацдармом военных действий и предметом разногласий между Швецией и Россией [Кан 1974, 272]. Два



сильных полюса – мощная держава Швеция, ослабляемая длительными войнами, и Россия, набирающая силу и успешная на международном поприще, воздействовали на экономико-политическое развитие Финляндии.

В первой половине XVIII в. экономика Финляндии была представлена мелкими сельскохозяйственными угодьями, лесозаготовительными и –перерабатывающими предприятиями, хозяйствами дегтярного промысла, а также частными торгово-закупочными компаниями. В горнорудном деле и в легкой промышленности были небольшие мануфактуры с привлечением неквалифицированного ручного труда. Хозяйства располагались отдаленно друг от друга, при этом дорожная инфраструктура была слабо развита.

Северная война (1700–1721) стала причиной застойных явлений в экономике: наблюдался дефицит рабочей силы, отсутствовало достаточное финансирование хозяйственных отраслей. Восстановление производства после войны растянулось на долгие годы. Благодаря экономической политике, проводимой в 1720-е гг. А. Горном в форме протекционизма, экономика королевства получила более интенсивное развитие.

Южная и западная части Финляндии

Подчиненность Финляндии шведскому королевству стала причиной определенного дисбаланса в развитии ее географических районов и областей. Наиболее интенсивно развивались южная и западная части Финляндии, где проживало многих шведов, предки которых перебравшись в этот регион во время второго крестового похода (XIII–XIV вв.). Как пишет А. С. Кан, западная часть Финляндии «играла роль одной из житниц королевства» [Кан 1974, 252]. Хозяйство южной и западной областей Финляндии было представлено дворянскими угодьями и крестьянскими земельными наделами.

Во время Северной войны больше всего русских военных подразделений дислоцировались в западной части Финляндии. Эта область находилась под особо строгим контролем, так как представляла удобный плацдарм для планируемой высадки войск собственно в Швецию. Современный финский историк П. Каронен отмечает, что русские военные отряды не стали основательно разорять юго-западную Финляндию, поскольку одним из итогов Северной войны должно было быть ее присоединение к России [Karonen 1999].

В данном регионе и на побережье Остроботнии развивались подсечное земледелие и животноводство, велись заготовка древесины и смолокурное производство, монополизированное Стокгольмом. В западной части Финляндии располагались около двадцати железоделательных заводов, которыми управляли шведские мелкие промышленники [Мейнандер 2008, 44, 46].

Национальный состав населения был представлен шведами, финнами, немцами, а также представителями некоторых народов балтийских государств. Местное население говорило на западных диалектах финского языка (юго-западном, южном остроботническом, тавастском). Представители высоких сословий (духовенство и купечество) владели шведским, латинским и немецким языками.

Восточная и центральная части (Похъянмаа) Финляндии

Эта часть Финляндии в наибольшей степени подверглась разорению во время военных операций между Швецией и Россией [Кан 1974, 252]. Казачьи отряды жестоко истребляли местных жителей. Голод и долгие военные действия стали причиной переселения крестьян в другие местности.

В хозяйственно-экономическом плане область развивалась благодаря традиционным промыслам: производству смолы и дегтя, лесо- и пиломатериалов [Мейнандер 2008, 44–47]. Сельское хозяйство характеризовалось низкоэффективной подсечно-пожоговой культурой земледелия.

В языковом плане население характеризуется следующим образом: дворяне шведского происхождения и составлявшие зажиточную часть общества, владели шведским языком. Малоимущее крестьянское и ремесленное население говорило на восточных диалектах финского языка (савоском и южнокарельском).

Северная часть Финляндии

Саамы (лопары) и финны заселяли север Финляндии, где в силу сложных климатических и геологических условий развивалось преимущественно оленеводство и мелкое кустарное производство.

Языковые особенности региона заключались в употреблении северных остроботнических и лапландских диалектов.

Характеризуя в целом базисную часть модели общества, можно отметить, что близость двух мощных государств, Швеции и России, их сложные взаимоотношения определяли вектор экономического развития Финляндии первой половины XVIII в.: западная часть страны ориентировалась на Швецию, а восточная – на Россию.

Экономический диктат Швеции выражался в значительном количестве шведских квалифицированных специалистов в горном деле, чугунно-литейном производстве, на мебельных и ткацких мануфактурах, в коллегиях, наблюдавших за развитием производства.

Обучение специалистов осуществлялось в Швеции, при этом научные изыскания ученых оформлялись на латинском языке. Начиная с 1740-х гг., разрешалось оформлять на шведском языке научные изыскания, которые имели высокую практическую ценность [Каллинен 2004, 207–208], например, труды в области минералогии и естествоведения известного финского естествоиспытателя, профессора экономики Королевской академии Або (Турку) Пер Кальм (1716–1779) были опубликованы на шведском языке. Академическое нововведение по оформлению научных открытий усилило в обществе позиции шведского языка и ослабило положение финского [Häkkinen 2007, 82]. В юридической практике языком делопроизводства были шведский и латынь, которыми владела зажиточная часть населения, включая высокое духовенство. Низшее духовенство и непривилегированные классы (крестьяне, торпари, батраки, кустари-одиночки) говорили на диалектах финского языка.

Теологические труды оформлялись на западных и юго-западных диалектах, чему способствовало расположение центра религиозной и культурной жизни страны в Турку. В целом же в первой половине XVIII в. в Финляндии не сложились ни экономические, ни социально-политические условия в обществе для формирования единого национального языка [Häkkinen 2007, 82].

Малые города в Финляндии первой половины XVIII века

Несбалансированность распределения природных и трудовых ресурсов в стране, вызванная особенностями географического положения, повлияла на развитие городской инфраструктуры. Наибольшая концентрация производства сосредоточивалась в населенных пунктах вдоль побережья Ботнического залива, на пересечении крупных речных магистралей и в местах скопления природных ископаемых. В этих местах появлялись городские поселения. В первой половине XVIII в. в Финляндии насчитывалось 11 городов: Турку, Порвоо, Ульвила, Выборг, Раума, Наантали, Хельсинки, Коккола, Оулу, Пори и Вааса [Myrberg, Leppäanta 2019, 123, 125].

Возникновение городов стимулировало развитие строительства, легкой и пищевой промышленности, ремесленных производств и торговли.

Городское население было многонациональным: представлено шведскими промышленниками, немецкими и голландскими купцами, английскими коммерсантами и русскими коробейниками.

В городах возводились церковные постройки: храмы, соборы и церкви, – что давало возможность организовывать при них школьные занятия, поскольку церковь наравне с государством участвовала в образовательном процессе населения.

Лютеранское вероисповедание и Закон

В первой половине XVIII в. во всем шведском королевстве шел процесс «укрепления духовной дисциплины» [Мейнандер 2008, 47] населения. Это выражалось в распространении и укреплении единой формы религиозной культуры – *лютеранства*.

Деятельность церкви регулировалась Законом от 1682 г., сохранившим свою силу вплоть до 1869 года. Закон четко прописывал церковную деятельность (отправление церковных таинств и обрядов) и требования для прохождения экзамена на знание катехизиса [Мейнандер 2008, 50].

Церковная служба велась на латинском (корпус текстов) и шведском (административно-правовая область) языках. В каждой церкви были полный текст Библии на финском языке (перевод 1642 г.) и сборник духовных песен (псалмов)¹.

Между церковью и государственно-бюрократическим аппаратом было налажено четкое взаимодействие. Священник наполнял проповедь в том числе идеологическим содержанием. Он произносил своеобразные панегирики, чествовавшие королей, которые были призваны исполнять Божью во-

¹ Король Швеции поручил епископу из Турку Й. Гецелиусу младшему обновить сборник духовных песен (1693) и перевести на финский язык новые псалмы. Три консистории – Турку, Выборга и Нарвы – одобрили решение и в 1701 году сборник был издан. Он представлял из себя церковное руководство *Manuale*, которое включало сборник псалмов, Евангелие, историю страданий, чудесного воскресения и вознесения Христа, описание разрушения Иерусалимского храма, Малый Катехизис Лютера, порядок проведения церковных таинств и богослужений, а также молитвенник. Этот сборник псалмов, известный под названием «Старый сборник духовных песен», стал культурным достоянием Финляндии и более двух столетий активно использовался, пока в 1976 году не был введен новый свод молебных пений.



лю на земле. Авторитет священника и торжественные церковные богослужения прививали уважение к королевской династии.

В обществе была усилена церковная дисциплина. Для облегчения контроля за посещаемостью богослужений и иных культовых мероприятий была установлена иерархическая рассадка на церковных скамьях. Повсеместно в государстве вводилась единая лютеранская мораль. Священник следил за ее соблюдением, будучи при этом образцом поведения. В противном случае он лишался доверия прихожан.

Священнослужитель выступал своеобразным связующим звеном между государством и пастором, представляя интересы прихожан в военно-податных вопросах, участвуя в разрешении споров по земельным налогам, по налогам на содержание поселенных солдат и по призыву на службу в армию. Священник председательствовал на приходских собраниях по хозяйственному строительству, а также содействовал оказанию помощи нуждающимся [Мейнандер 2008, 48].

Церковь выполняла воспитательную функцию, стремясь пробудить у людей чувство боязни греха, способного разрушить личность и общество. Неискупленные грехи могли навлечь Божью кару, выражавшуюся в эпидемиях, неурожаях и войнах.

Церковные наставления имели правовую поддержку со стороны государства: с XVIII в. за тяжкие преступления против личности и общества (убийство, сексуальные преступления) вводилась публичная смертная казнь, сопровождавшаяся суровыми отповедями и назиданиями собравшимся.

Финны в шведской политической элите в первой половине XVIII века

В первой половине XVIII в. финны практически не были представлены на политической арене шведского королевства, однако судьба А. Горна показывает, что в этой сфере мог оказаться человек нешведского происхождения, если в его жизни совпали следующие обстоятельства: знатное происхождение, прекрасное образование, удачная военная карьера, выгодная женитьба (в частности, на дочери королевского советника), а также особые личные качества.

Президент королевской канцелярии, генерал-лейтенант, финн по происхождению Арвид Горн (1664–1742) происходил из дворянской семьи, воспитавшей не одного заслуженного военачальника и высокого чиновника. Он обучался за границей, знал несколько иностранных языков, в том числе латынь, немецкий, французский и, безусловно, шведский. Арвид Горн вошел в историю финской дипломатии как талантливый парламентар, «хитрый и обаятельный собеседник», умело управлявший и сословиями, и Государственным советом [Сюрё 2004, 162, 163]. Он расчетливо проводил внешнюю и внутреннюю политику в условиях сложного положения Швеции. Финский исследователь В.-М. Сюрё считает, что во многих тонких политических ситуациях его выручало финское происхождение. Сдержанность, осмотрительность и осторожность помогали Горну выстраивать дипломатические отношения с Россией [Сюрё 2004, 164].

В период нахождения Горна во власти привел в истеблишмент Швеции еще нескольких финнов. Однако на благо своей малой родины они практически ничего не сделали, возможно, ища оправдание своей политической инертности в лояльности и преданности шведской короне.

Первые активные сторонники финской культуры и языка

В первой половине XVIII в. финская культура не вызывала особого интереса у правящих кругов. Дворянство, представленное зажиточными шведами, придерживалось политики шведской культурной гегемонии [Карху 1979, 70]. Культурно-образованная часть общества в Финляндии складывалась также из священников, ученых и преподавателей университета (некоторые из них испытывали чувство глубокой симпатии к финскому народу).

Из людей, питавших сострадание к финнам и интерес к финской народной культуре, постепенно сформировалось культурное течение, известное под названием *феннофильского движения*. Оно не носило политического характера, не имело никакой программы действий, ставя перед собой единственную цель – «отстоять самое право финского народа, финского языка и финской культуры на существование» [Карху 1979, 71].

Истоки этого движения лежали в первых академических исследованиях финского языка, которые увенчались публикациями грамматик, словарей финского языка², а также сборником загадок

² В 1637 г. был опубликован «Латино-скандинавский словарь» шведского магистра Э. Скродеруса (E. Schroderus), который включал финскую лексику. Тремя годами позже появилась грамматика Х. Кругеруса (H. Crugerus) с описанием финского языка. В 1649 г. профессор из Турку, швед по национальности, Э. Петреус (E. Petreus) издал



финского народа³ (1702). Даниэль Юслениус (Daniel Juslenius, 1676–1752)⁴ был признан идейным вдохновителем феннофильства. Симпатизирующий мыслям Й. Гецелиуса младшего (Johannes Gezelius puogempi, 1647–1718) о национальном духе, он принялся развивать идею финской идентичности, изучать историю финского языка, приравнивая его по возрасту и родству с древнееврейским и древнегреческим языками.

Юслениус восхвалял Финляндию и финнов в духе сочинения «Атлантика» шведского профессора У. Рудбека (Olof Rudbeck d.ä., 1630–1702), который отождествлял шведское государство с мифической Атлантидой, а саму Швецию считал колыбелью человечества. Юслениус сконструировал для финнов не менее пафосную историю. Однако если Рудбек придумал триумфальное прошлое шведского королевства для оправдания его великодержавных планов, то Юслениус своими научно не подкрепленными выводами и утверждениями пытался пробудить интерес к Финляндии, спасти ее от забвения⁵.

Феннофильская деятельность профессора, а с 1729 г. – ректора Академии Або (Турку) увенчалась небольшим, но очень важным успехом для дальнейшей судьбы финского языка: с 1734 г. при коллегии королевской канцелярии вводилась постоянная должность переводчика финского языка [Питкяранта 2004, 775].

Единомышленником Юслениуса был вышеупомянутый епископ Йоханнес Гецелиус младший, который является не менее значимой фигурой в истории финской культуры, однако по иронии судьбы оказался в тени славы своего отца Йоханнеса Гецелиуса старшего. Дружба двух епископов проходила под знаком борьбы за сохранение и дальнейшее развитие финской культуры. В рамках церковной деятельности интерес обоих защитников финского народа был направлен на развитие народного образования.

Феннофильские мотивы находят свое отражение и в литературе начала XVIII в. Хотя авторы поэтических текстов формально не были представителями этого движения, идейное содержание их произведений свидетельствовало о глубокой симпатии к финскому народу и озабоченности его судьбой. Так, в 1703 г. было опубликовано стихотворение пастора Габриеля Тудеруса (Gabriel Tuderus, 1638–1705) под названием «Одна красивая финская песня в честь и во славу крестьян» [Varpio 1999, 95]. В нем на финском языке рассказывалось о трудолюбии крестьянина, который трудится в поле и в лесу, ловит рыбу, ухаживает за скотом, но при этом находит силы и время веселиться на свадьбе дочери [Varpio 1999, 101]. Пастор глубоко сочувствует тяжелой доле финского крестьянина.

Любопытны языковые приоритеты при оформлении произведений: стихи, посвященные крестьянам, звучали на финском языке; тогда как оды в честь и во славу правящей элиты создавались на шведском⁶.

Безмерные тяготы финского народа описываются в стихотворении священнослужителя из Южной Остроботнии Бартольдуса Феля (Vnael, 1667–1723) «Тяжкая песня-жалоба опечаленного финского народа и северных жителей» и в «Песне финской печали» пастора Габриэля Каламниуса (Calamnius, 1695–1754) из Северной Остроботнии. Эти сочинения близки по духу и стилю финской народной поэзии: они представлены в форме плача.

Священники активно занимались пропагандой финского языка. Ярчайший пример тому – пасторская деятельность Антти Лицелиуса (Antti Lizelius, 1708–1795), судьба которого воплотила мечту

«Краткий курс грамматики финского языка». В 1689 г. выборгский учитель М. Мартиниус (M. Martinius) выпустил «Руководство по финскому языку» [Häkkinen 2013].

³ Сборник загадок был издан финским священником, большим знатоком финского языка Х. Флоринусом (H. Florinus) [Varpio 1999, 103].

⁴ Титул «отца феннофильского движения» Юслениус получил в связи с академическим сочинением *Aboa vetus et nova* (Старый и новый Турку) [Питкяранта 2004, 773].

⁵ Фантазия ученого рисовала Финляндию как древнее государство с идеальным общественным строем, которое исчезло под действием внешних агрессивных факторов. Народ этой страны был необычайно талантлив, ему принадлежит слава изобретения письменности. Вступая на должность профессора университета Або (Турку) в 1712 году, Юслениус произнес доклад, в котором утверждал о таком же древнем происхождении финского языка, как иврита и древнегреческого. В доказательство их равноправной общности, первородства и взаимодействия он выявил около пятисот финских слов древнееврейского происхождения [Питкяранта 2004, 774]. В 1745 году в Стокгольме был опубликован финско-латинско-шведский словарь «Опыт финской словесности». В него вошло шестнадцать тысяч финских слов, что дало основание считать его «первым настоящим словарем финского языка» [Питкяранта 2004, 776].

⁶ Одна из песен Тудеруса была посвящена королю Швеции Карлу XII [Olsson 1999, 57].



феннофильского движения: человек из бедной крестьянской семьи стал служить на благо своего же народа. В 1725 г. он закончил кафедральную школу в Турку и в 1731 г. поступил в Академию Або (Турку)⁷. Знакомство с идеями своего выдающегося современника Карла Фредрика Меннандера (Carl Fredrik Mennander, 1712–1786)⁸ определило направление мысли Лицелиуса.

По завершении учебы он получил должность священника в одном из церковных приходов провинции Собственно Финляндии. В те времена это было редкостной удачей для выходцев из неблагополучных семей. Стремясь способствовать развитию финского языка во вверенных ему приходах, Лицелиус вел на этом языке деловую документацию [Pöytäänkirkonkokoustenpöytäkirjoja]. Пастор был известен как краевед, составивший подробное описание северных церковных приходов.

Еще в 1666 г. при шведской королевской канцелярии по инициативе риксканцлера графа Магнуса Делагарди (Magnus Gabriel De la Gardie, 1622–1686) была создана Коллегия древностей (1666), целью которой было «составление карт, сбор и изучение письменных документов, археологических и исторических древних остатков» [Viijamaa 2010, 54]. Коллегия обратилась к духовенству с просьбой «собирать древности», а правительство шведского королевства потребовало от профессоров Академии наук направлять интерес студентов в область регионально-краевых изысканий. Полученный этнографический и статистический материал должен был помогать властям разрабатывать социально-экономические программы.

Среди ученых, откликнувшихся на этот призыв, был шведский теолог, архиепископ Упсальский Эрик Бенцелиус (Erik Benzelius d. u., 1675–1743)⁹, финский ученый, доцент священных языков Абоского (Турку) университета Маттиас Халлениус (Mattias Hallenius, 1699 – 1748) и его брат Грегориус Халлениус (Gregorius Hallenius, 1702–1772)¹⁰.

Собранные данные помогали ученым развивать критический взгляд на историю, убеждаться в том, что любой народ, в том числе финский, вносит достойный вклад в развитие государства и имеет славную историю. «Поэтический род» священников Акрениусов, начиная с отца Абрахама Акрениуса, затем сыновей Симо и Хенрика, прославлял финский народ, способствовал формированию финского литературного языка.

Судьба финского священника Абрахама Акрениуса (Abraham Achrenius, 1706–1769) наглядно демонстрирует роль церкви в воспитательном процессе финского народа. Пастор, считая себя избранным человеком, призванным возвестить миру о приближении Судного дня [Laine 2002], был активным сторонником влиятельного пиелистского движения, которое получило большое распространение в Финляндии, особенно в ее северной части.

Пропагандистами финского языка были переводчики (translaattori) при Канцелярской коллегии. Они активно переводили юридические документы на финский язык, стараясь расширить сферу его применения. Первым официальным переводчиком в королевской коллегии был Йохан Матесиус (Johan Mathesius, 1709–1765), занимавший эту должность восемь лет (1734–1741).

Образовательная система в Финляндии в первой половине XVIII века

Для утверждения лютеранской веры и укрепления института государственной власти требовалось повысить компетентность чиновников, священнослужителей и обучить население грамотности [Шконен 2015, 16]. С этой целью государство стремилось развить систему народного образования. Первые финские учебные заведения, так называемые кафедральные школы (katedraaliskoulu), появи-

⁷ Одаренный и любознательный молодой человек неоднократно получал академическую стипендию за успехи в успеваемости [Piginen 1978].

⁸ Карл Фредрик Меннандер преподавал физику в университете Або, интересовался социально-экономическими и натурфилософскими проблемами, вопросами школьного образования, прекрасно знал шведского естествоиспытателя Карла Линнея (Carl von Linné, 1707 – 1778).

⁹ Во многих европейских странах начала XVIII в. стали создаваться неформальные интеллектуальные клубы, в которые входили образованные люди, объединенные общими интересами. На встречах-заседаниях обсуждались актуальные проблемы того времени: натурфилософские концепции, математические и технологические вопросы. В шведской Упсале такой кружок учредил Эрик Бенцелиус [Шиповалова и др. 2016]. Бенцелиус, изучая историю Швеции, обнаружил взаимосвязанность некоторых этапов ее развития с саамской и финской культурой.

¹⁰ Диссертационные сочинения обоих братьев Халлениусов были написаны на латинском языке, согласно утвержденным правилам Университета Турку. Маттиас исследовал культуру народов, проживавших в Северной Финляндии. Грегориус был местным историком-краеведом, кропотливо изучавшим природу, население и историю церковного прихода Мюнямяки, расположенного в Собственно Финляндии.

лись в XVI в. в Турку, Раума, Порвоо и Выборге [Ilkonen 2015, 14]. Обучение происходило в форме заучивания текстов наизусть на шведском языке [Salonen 2019, 106].

С 1630 г. по предложению финского церковного деятеля – Туркуского епископа г. Або Исака Ротовиуса (Isak Rothovius, 1527–1652) – стали открываться гимназии (kymnaasi). По инициативе Й. Гецелиуса-старшего (1615–1690), Туркуского епископа, шведа по происхождению, «отца народного образования» в Финляндии, обучение приобрело более разносторонний характер¹¹.

В начале XVIII в. образовательная программа столкнулась с объективными сложностями, которые заключались в количественной диспропорции школ в регионах страны. На западе и юге страны учебных заведений было больше, чем на севере. Численный дисбаланс объяснялся разной степенью освоенности территорий: исторически западная и южная части Финляндии были наиболее освоенными территориями. Естественный прирост населения в них был выше. Кроме того, длительные военные действия (Северная война длилась более 20 лет) стали причиной закрытия многих учебных заведений¹². Из-за войн часть населения была вынуждена эмигрировать в Швецию [Häkkinen 2007, 82]. Наконец, школы преимущественно создавались в городах, которых в Финляндии было немного. В сельской местности образованием населения занималось в основном духовенство.

В 1724 г. в Швеции был принят новый Закон о школе, действовавший в Финляндии вплоть до 1843 г. Однако предложение об обязательном школьном образовании для всех детей, с которым выступило духовенство, не было поддержано представителями некоторых сословий. Родители несли ответственность за образование детей. В случае пренебрежения своей обязанностью или халатного к ней отношения родители подвергались штрафу.

Девочки из дворянских и состоятельных семей обучались в частных пансионатах, где обучение происходило на иностранных языках. Ученицам преподавали уроки хороших манер, учили читать, рисовать, обучали рукоделию [Ilkonen 2015, 23]¹³.

Интерес к учебе резко вырос, когда в первой половине XVIII в. появилась возможность для выходцев из небогатых и мало обеспеченных семей сделать служебную карьеру при условии наличия образования [Salonen 2019, 106].

Конфирмационные школы как средство воспитания полноценного члена общества

Конфирмационные школы (kirrikoulu), созданные по решению церковного капитула в 1740 г., стали играть заметную роль в осознании человеком своего места в обществе. Посещение такой школы делало человека полноправным членом общества, помогало ему грамотно и под контролем просвещенных людей перейти из детства во взрослую жизнь. По окончании школы молодой человек получал право носить одежду для взрослых, вести образ жизни взрослого человека, употреблять алкоголь и кофе, курить, а также общаться с противоположным полом. В обмен на доступ к взрослой жизни молодой человек брал на себя большую долю ответственности в социально-общественной жизни. Неупеваемость в конфирмационной школе расценивалась как проявление неуважения к общине.

Языковая политика в Финляндии в первой половине XVIII века: латынь vs шведский vs финский

По оценкам Х. Мейнандера, «восемьдесят пять процентов общего населения восточной половины королевства говорило исключительно на финском языке, в то время как чуть более десяти процентов владело шведским» [Мейнандер 2008, 52]. Однако шведский язык всё более прочно укоренялся в повседневном общении. Это было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, шведский язык был в королевстве языком делового общения. В приморских городах употребление шведского языка было вызвано социальными и экономическими факторами, так как вся документация (таможенная и юридическая) оформлялась на официальном языке королевства. Во-вторых, к середине XVIII в. латынь и греческий язык больше не соответствовали амбициозным прагматическим задачам нового времени. Наступала эпоха утилитаризма, требовались экономические, естественнонаучные знания. Знание шведского языка открывало дорогу в мир немецкоязычной литературы. Предложение активно использовать в университетском сообществе шведский язык (не исключая полностью латынь) встретило поддержку среди таких авторитетных епископов, как Йохан Бровалиус (Johan Brovalius) и Карл

¹¹ В XVII в. наибольшей известностью пользовалась книга Й. Гецелиуса старшего «Лучшая детская книга» (Yxi paras lasten tawara, 1666), изданная на финском и шведском языках [Laine 2007, 64].

¹² Кафедральная школа в Турку была закрыта с 1713 по 1716 гг. [Ilkonen 2015, 19].

¹³ Как отмечает финский историк школьного образования в Финляндии, официальной информации по частным учителям и пансионатам практически не найти, так как такая форма обучения не являлась официальной, поэтому не контролировалась государственной властью [Ilkonen 2015, 23].



Фредрик Меннандер (Carl Fredrik Mennander), что способствовало смене академического языка. В-третьих, женская часть населения, лишенная возможности учиться в лицеях и университетах, выучив шведский, с легкостью могла знакомиться с западноевропейской литературой. В-четвертых, шведский язык был языком всех печатных изданий, на страницах которых обсуждались актуальные экономические, научные и морально-нравственные проблемы, что повышало популярность языка среди населения. Наконец, причиной предпочтения шведского языка родному стал субъективный фактор: в те времена Швеция олицетворяла собой богатство, могущество, культуру и прогресс. Шведский менталитет был предметом восхищения. «Чтобы выглядеть как настоящий буржуа, надо говорить на шведском языке и одеваться, как шведский господин» [Häkkinen 2007, 83].

В те времена не язык объединял нацию, а общее лютеранское вероисповедование и преданность королю.

Заключение

Экономическая база финляндской модели общества представляла собой мелко-кустарное производство, слабо развитое сельское хозяйство, зачатки тяжелой (чугунно-литейной и горнодобывающей промышленности). Производственные отношения были незрелыми, общество характеризовалось резким социальным расслоением, многонациональным составом населения и многоязычием. Развитие экономики и культуры в рассматриваемый период осложнялось не только географическими особенностями каждого региона, отсутствием развитой дорожной инфраструктуры, но и невозможностью создавать материальные блага из-за длительной Северной войны, проходившей на территории Финляндии, а также послевоенных лишений и тягот. В королевстве Швеция – Финляндия была единая религиозная культура – лютеранство. Доминирующая роль в области образования принадлежала церкви, которая вместе с государством стала создавать школьную систему. Со временем образование стало всё более приобретать светский характер, подчиняясь требованиям эпохи прагматизма. Чувство глубокой симпатии к финскому народу, желание вывести финский язык из угнетенного состояния, а финскую культуру сделать достоянием широкой общественности породили феннофильское движение, ярким представителем которого был Д. Юслениус. Многие финские деятели науки и культуры, служители церкви своим трудом воплощали идеи феннофильства. Наличие нескольких диалектов и разная степень их участия в создании письменной культуры усложняли задачу формирования единого финского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Каллинен М.* Пер Калм // Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий / ред. Т. Вихавайнен; пер. с фин. Хельсинки: Общество финской литературы, 2004. С. 204–209.
- Кан А. С.* История Швеции. М.: Наука, 1974. 719 с.
- Карху Э. Г.* История литературы Финляндии. От истоков до конца XIX века. Л., Наука, 1979. 510 с.
- Мейнандер Х.* История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты / пер. с швед. М.: Весь мир, 2008. 248 с.
- Питкяранта Р.* Даниэль Юслениус // Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий / ред. Т. Вихавайнен; пер. с фин. Хельсинки: Общество финской литературы, 2004. С. 772–776.
- Сюрё В.-М.* Арвид Горн // Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий / ред. Т. Вихавайнен; пер. с фин. Хельсинки: Общество финской литературы, 2004. С. 161–165.
- Шиповалова Л., Биргер П., Куприянов В., Дмитриев И.* Наука: испытание эффективностью. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. 212 с.
- Häkkinen K.* Monikielinen suomalaisuus Porthanin aikana // Suomenoskirjallisuuden historia I. / toim. H.K. Riikonen, U. Kovala, P. Kujamäki, O. Paloposki. Helsinki: SKS, 2007. S. 82–89.
- Häkkinen K.* Suomen kieliopin ensimmäiset alkeet? // Virittäjä, No. 2, 2013. S. 292–298.
- Ilkonen K.* Turun koulut aikansa ilmiönä. 140 vuotta yleissivistävää opetusta (1872–2012). Turku, Historiatoimikunta, 2015. 331 S.
- Karonen P.* Pohjoinensuurvalta: RuotsijaSuomi 1521–1809. Helsinki, SKS, 2014. 552 S.
- Laine E.* Achrenius Abraham. Kansallisbiografia-verkkojulkaisu. Studia Biographica 4. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1997. URL: <https://kansallisbiografia.fi/kansallisbiografia/henkilo/2224>
- Laine T.* Hartaus- ja katekismuskirjallisuuden käännökset // Suomenoskirjallisuuden historia I. / toim. H. K. Riikonen, U. Kovala, P. Kujamäki, O. Paloposki. Helsinki: SKS, 2007. S. 64–68.
- Myrberg K., Leppäranta M.* Itämeri ja ihminen. Helsinki: Tammi, 2019. 300 S.
- Olsson B.* Ruotsinkielinen kirjallisuus 16000-luvulla ja 1700-luvun alussa // Suomen kirjallisuushistoria. Hurskaista lauluista ilostelevaan romaaniin. Toim. Y. Varpio, L. Huhtala. 1. osa. Helsinki, SKS, 1999. S. 48–67.



Pöytyän kirkonkokousten pöytäkirjoja vuosilta 1756–1761 // URL: http://kaino.kotus.fi/korpus/vks/meta/lizelius/liz1756_rdf.xml; URL: https://www.researchgate.net/publication/337732065_On_the_Legacy_of_Lutheranism_in_Finland_Societal_Perspectives

Salonen K. Reformation and the Medieval Roots of the Finnish Education // On the Legacy of Lutheranism in Finland. Societal Perspectives / ed. by K. Sinnemäki, A. Portman, Jouni Tilli, R. Nelson. SKS, Helsinki. 2019. P. 102–112. URL: <http://notes.evl.fi/Virsikirja.nsf/745ff021168d4a8ac2256ff50049b96e/5b2e2f15e8d6c4d4c2256ffe004c5407?OpenDocument>

Suomennoskirjallisuuden historia I. / toim. H. K. Riikonen, U. Kovala, P. Kujamäki, O. Paloposki. Helsinki, SKS, 2007. 697 s.

Varpio Y. Suomenkielisen kirjallisuuden varhaisvaiheita // Suomen kirjallisuushistoria. Hurskaista lauluista ilostelevaan romaaniin. Toim. Y. Varpio, L. Huhtala. 1. osa. Helsinki: SKS, 1999. S. 92–103.

Viljamaa T. Muinaisuuden tutkimus on mainarin työtä: asiakirjat ja Mynämäen varhaishistoria. Auraica. Scripta a Societate Porthan edita, 2010. 3. vsk, No .1, S. 53–63.

Yhteistä kieltä tekemässä. Näkökulmia suomen kirjakielen kehitykseen 1800-luvulla. /toim. K. Huumo, L. Laitinen, O. Paloposki. Helsinki: SKS, 2004. S. 136–176.

Поступила в редакцию 25.03.2020

Братчикова Надежда Станиславовна,

доктор филологических наук, профессор

ФГБОУ ВО Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова)

119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1

ФГБОУ ВО Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ)

119034, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, д.38

E-mail: n.bratchikova@mail.ru

N. S. Bratchikova

THE FINNISH MODEL OF CULTURAL AND EDUCATIONAL SPHERES OF THE FIRST HALF OF THE 18th CENTURY

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-2-293-303

The article deals with the structure of multilingual cultural and educational spheres of Finland in the first half of the XVIII century. The study identifies specific features of the Enlightenment society model. These features originated due to the subordination of Finland to the Kingdom of Sweden, multilingualism in society, common faith and political immaturity of the population. In the description of the social and cultural spheres of Finnish society, the economic situation of each region was taken into account. The study is based on the legislative acts, which regulated the style of life in the society, and life activity of the leading socio-political figures and clerics, who actively tried to arouse the sympathy of those in power to the Finnish people. The article analyses the activity of such supporters of Finnish culture and language as, for example, J. Gezelius the Younger, G. Tuderus, A. Lizelius, priests of the Akrenius family. The paper examines their contribution to the formation of Finnish identity and Finnish culture as a whole. In essence, the work of these very priests and public figures was the forerunner of the fennophilic movement. D. Juslenius is considered to be the father of the movement. The proposed study pays particular attention to the development of the school system in Finland. To establish the Lutheran faith and strengthen the institution of state power, the following actions were made. The state sought to develop a public education system in order to increase the competence of officials and clergy and teach the population literacy. The article describes the difficulties encountered in the implementation of the program to educate the population. The multilingualism of the society at that time was as follows. The majority spoke only Finnish, intellectuals spoke Latin and Swedish, while traders and industrialists communicated in German and other Western European languages. In the first half of the 18th century, the Swedish language became widely used inside the academic community. The reasons for such a transition are presented in the article. The author of the study concludes that during the period under review the language didn't play a key role in the union of the nation. The main contributors were Lutheran faith and devotion to the Swedish king.

Keywords: cultural and educational spheres, Finnish model of society, national identity, Fennophilic movement, educational system, Finnish culture, Finnish language, multilingual spheres

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 2, pp. 293–303. In Russian.

REFERENCES

Kallinen M. *Per Kalm* [Per Kalm] // Sto zamechatel'nykh finnov. Kaleidoskop biografii / red. T. Vikhavainen; per. s fin. Helsinki, Obshchestvo finskoi literatury [Society of Finnish Literature Publ.], 2004. s. 204–209. In Russian.

Kan A.S. *Istoriya Shvetsii* [History of Sweden]. – Moscow, Nauka [Science Publ.], 1974. 719 s. In Russian.



Karkhu Eh.G. *Istoriya literatury Finlyandii. Ot istokov do kontsa XIX veka* [History of Finnish literature. From the origins to the end of the 19th century]. Leningrad, Nauka [Science Publ.], 1979. 510 s. In Russian.

Meinander Kh. *Istoriya Finlyandii. Linii, struktury, perelomnye momenty* [History of Finland. Lines, structures, tipping points] / per. s shved. Moscow, Ves' miR [Publishing house "World"], 2008. 248 s. In Russian.

Pitkyaranta R. *Daniehl' Yuslenius* [Daniel Juslenius] // *Sto zamechatel'nykh finnov. Kaleidoskop biografii* / red. T. Vikhavainen; per. s fin. Helsinki, Obshchestvo finskoi literatury [Society of Finnish Literature Publ.] 2004. p. 772–776. In Russian.

Syur'e V.-M. *Arvid Gorn* [Arvid Horn] // *Sto zamechatel'nykh finnov. Kaleidoskop biografii* / red. T. Vikhavainen; per. s fin. – Helsinki, Obshchestvo finskoi literatury [Society of Finnish Literature Publ.], 2004. s. 161–165. In Russian.

Shipovalova L., Birger P., Kupriyanov V., Dmitriev I. *Nauka: ispytanie effektivnost'yu* [Science: test of effectiveness]. Sankt-Peterburg, Fond razvitiya konfliktologii [Conflict Development Development Fund], 2016. 212 s. In Russian.

Häkkinen K. *Monikielinen suomalaisuus Porthanin aikana* // *Suomennoskirjallisuuden historia I.* / toim. H.K. Riikonen, U. Kovala, P. Kujamäki, O. Paloposki. Helsinki, SKS, 2007. pp. 82–89. In Finnish.

Häkkinen K. *Suomen kieliopin ensimmäiset alkeet?* // *Virittäjä*, no.2, 2013. pp. 292–298. In Finnish.

Ilkonen K. *Turun koulut aikansa ilmiönä. 140 vuotta yleissivistävää opetusta (1872–2012)*. Turku, Historiatoimikunta, 2015. – 331 p. In Finnish.

Karonen P. *Pohjoinen suurvalta: Ruotsi ja Suomi 1521–1809*. Helsinki, SKS, 2014. 552 p.

Laine E. *Ahrenius Abraham. Kansallisbiografia-verkkojulkaisu*. Studia Biographica 4. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1997. URL: <https://kansallisbiografia.fi/kansallisbiografia/henkilo/2224> In Finnish.

Laine T. *Hartaus- ja katekismuskirjallisuuden käännökset* // *Suomennoskirjallisuuden historia I.* / toim. H.K. Riikonen, U. Kovala, P. Kujamäki, O. Paloposki. Helsinki, SKS, 2007. pp. 64–68. In Finnish.

Myrberg K., Leppäranta M. *Itämeri ja ihminen*. – Helsinki, Tammi, 2019. 300 p. In Finnish.

Olsson B. *Ruotsinkielinen kirjallisuus 16000-luvulla ja 1700-luvun alussa* // *Suomen kirjallisuushistoria*. Hurskaista lauluista ilostelevaan romaaniin. Toim. Y. Varpio, L. Huhtala. 1. osa. Helsinki, SKS, 1999. pp. 48–67. In Finnish.

Pöytyän kirkkokokousten pöytäkirjoja vuosilta 1756–1761 // URL: http://kaino.kotus.fi/korpus/vks/meta/lizelius/liz1756_rdf.xml In Finnish.

URL: https://www.researchgate.net/publication/337732065_On_the_Legacy_of_Lutheranism_in_Finland_Societal_Perspectives

Salonen K. *Reformation and the Medieval Roots of the Finnish Education* // *On the Legacy of Lutheranism in Finland. Societal Perspectives* / ed.by K. Sinnemäki, A. Portman, Jouni Tilli, R. Nelson. SKS, Helsinki. 2019. pp. 102–112. In Finnish.

URL: <http://notes.evl.fi/Virsikirja.nsf/745ff021168d4a8ac2256ff50049b96e/5b2e2f15e8d6c4d4c2256ffe004c5407?OpenDocument>

Suomennoskirjallisuuden historia I. / toim. H.K. Riikonen, U. Kovala, P. Kujamäki, O. Paloposki. Helsinki, SKS, 2007. 697 s. In Finnish.

Varpio Y. *Suomenkielisen kirjallisuuden varhaisvaiheita* // *Suomen kirjallisuushistoria*. Hurskaista lauluista ilostelevaan romaaniin. Toim. Y. Varpio, L. Huhtala. 1. osa. Helsinki, SKS, 1999. pp. 92–103. In Finnish.

Viljamaa T. *Muinaisuuden tutkimus on mainarin työtä: asiakirjat ja Mynämäen varhaishistoria*. Auraica. Scripta a Societate Porthan edita, 2010, 3. vsk, nro 1, s. 53–63. In Finnish.

Yhteistä kieltä tekemässä. Näkökulmia suomen kirjakielen kehitykseen 1800-luvulla / toim. K. Huumo, L. Laitinen, O. Paloposki. Helsinki, SKS, 2004. pp. 136–176. In Finnish.

Received 25.03.2020

Bratchikova Nadezhda Stanislavovna,

Doctor of Philology, Professor

Moscow State University named after M.V. Lomonosov University (Lomonosov Moscow State University)

Leninsky Gory, d. 1 Moscow, 119991, Russian Federation

Moscow State Linguistic University (MSLU)

ul. Ostozhenka, 38, Moscow, 119034, Russian Federation

E-mail: n.bratchikova@mail.ru